

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽²¹⁾

осень — зима

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Васубандху*. Абхидхармакоша («Энциклопедия Абхидхармы»), фрагмент раздела «Самадхи-нирдеша» («Учение о созерцании»). Предисловие, перевод с санскрита и комментарии *Е.П. Островской* 5
- «Андхрамахабхарата». Книга II «О Собрании», глава 2. Предисловие, перевод с языка телугу и комментарии *Е.В. Таноновой* 27
- Фрагмент политического трактата в дуньхуанском учебном пособии Дх-11656. Перевод с китайского языка, исследование и комментарии *И.Ф. Поповой* 41
- Сарасина Гэндзо*. Айнун дэнсэсю. («Собрание айских легенд»). Предисловие, избранные переводы с японского языка и комментарии *Е.Е. Уэжинина* 56

ИССЛЕДОВАНИЯ

- З.А. Юсупова*. «Диван» курдского поэта Джафаи (на диалекте горани). Грамматическое описание 80
- И.В. Богданов*. Понятие «статус» в Египте Древнего царства 99
- И.С. Гуревич*. «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и роман «Возвышение в ранг духов»: внутренний мир языка памятников 108
- С.Л. Невелева*. О типологии древнеиндийского эпоса 117

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. II. Пальмирские тексты в Европе: Ж.Ж. Скалигер 125
- О.В. Лундышева*. Фрагменты ксилографических изданий dhāgaṇī из коллекции ИВР РАН 153
- Ю.А. Иоаннисян*. Освещение религии бахаи и бабизма в научно-популярной литературе и прессе в России на стыке XIX и XX вв. 177

Наука — Восточная литература
2014

А.Г. Грушевой. Реформирование школ Палестинского общества в Сирии — проекты российских представителей и отношение к ним местного населения (по данным инспекции 1910 г.) 189

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Т.В. Ермакова. Коллекционирование буддийских рукописей в Индийском фонде Азиатского музея РАН (1850–1910) 201

С.Х. Шомахмадов. Ксилографы письмом сиддхам из коллекции ИВР РАН 212

С.Г. Елисеев. Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза. Подготовка к публикации, введение и комментарии *А.А. Борисовой* и *С.И. Марахоновой* 222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.П. Иванов. XXXV Зографские чтения «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста» (Санкт-Петербург, 14–16 мая 2014 г.) 243

О.М. Чунакова. Иранистический семинар «Фрейманские чтения» (Санкт-Петербург, 28 мая 2014 г.) 251

Ю.В. Болтач. Шестые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (Улан-Удэ–Нарын-Ацагат, 13–16 июля 2014 г.) 256

А.А. Сизова. Научно-практическая конференция «К 250-летию института Пандито Хамбо-лам в России» (Санкт-Петербург, 15–18 сентября 2014 г.) 260

В.П. Иванов. Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Доклад *С.Х. Шомахмадова* (1 октября 2014 г.) 263

РЕЦЕНЗИИ

Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение = Death in Maharashtra: Imagination, Perception and Expression / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; рук. проекта и науч. ред. И.П. Глушкова. — М.: Наталис, 2012. — 816 с., ил. (*С.Л. Бурмистров*) 266

Gilgit Manuscripts in the National Archives of India. Facsimile Edition. General Editors: Oskar von Hinüber, Seishi Karashima, Noriyuki Kudo. Vol. I. Vinaya Texts / Ed. by Shayne Clarke. — New Delhi–Tokyo, 2014. — 80 pp. + 277 plates. (*С.Х. Шомахмадов*) 271

На четвертой стороне обложки:
Фрагмент санскритского ксилографа из Хара-Хото. Шифр SI 6576 (к статье *О.В. Лундышевой*)

Йокота-Мураками Такаюки. Фтабатэй Симэй (Серия избранных биографий замечательных японцев). — Киото, Минэрува Сёбо, 2014. — 302 с. + vi. ヨコタ村上孝之『二葉亭四迷くたばつてしまえ』(ミネルヴァ日本評伝選)、京都、ミネルヴァ書房 (*Кимура Такаси*) 273

Над номером работали:

ИНДЕКС

Т.А. Анিকেева
А.А. Ковалев
О.В. Маждидова
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
А.Е. Танчарова
Е.А. Пронина

Содержание журнала «Письменные памятники Востока» № 2(11), 2009 — № 1(20), 2014. Сост. *Т.А. Пан* 276

IN MEMORIAM

Сергей Григорьевич Кляшторный (1928–2014) (*И.В. Кульганек, И.В. Кормушин, Д.М. Насилов*) 292

Ю.А. Иоаннесян

Освещение религии бахаи и бабизма в научно-популярной литературе и прессе в России на стыке XIX и XX вв.

История религии бахаи и ее предшественника — бабизма — с момента своего зарождения в Иране в XIX в. была тесно связана с Россией, в которой она всегда привлекала внимание как ученых, так и представителей широкой общественности. Освещение тематики бахаи и бабизма в научных публикациях дореволюционного и советского периодов уже становилось предметом анализа в ряде академических трудов. В данной статье же рассматривается ее отражение в литературе, рассчитанной на массового читателя. Статья содержит обзор четырех публикаций, появившихся на рубеже XIX–XX вв. в России и СССР.

Ключевые слова: вера бахаи, бабизм, религия, религиозно-философские учения.

Период конца XIX — начала XX в. ознаменовался существенным интересом в России к вере бахаи — молодой религии, возникшей во второй половине XIX в. на территории Ирана и Османской империи на почве бабидского движения. По этой причине в указанный период последователей веры бахаи обычно называли еще «бабидами», хотя термин этот был уже устаревшим. Основателем новой религии явился Бахаулла (1817–1892). От этого имени и происходит название «бахаи»¹. Тематика бахаи была широко представлена как в сугубо академической литературе, так и в рассчитанной на более массового читателя, включая прессу. Очевидно, этому способствовало и то обстоятельство, что именно на территории Российской империи, в г. Ашхабаде появилась первая за пределами Ирана организованная община бахаи. В настоящей статье мы уделим внимание отражению тематики религии бахаи и бабизма как ее предтечи в неакадемических публикациях, авторами которых нередко выступали исследователи — востоковеды и дипломаты, перу которых принадлежали и научные труды.

Одним из первых европейских исследователей новой религии был А.Г. Туманский (род. в 1861 г.) — ученик известного ученого-арабиста барона В.Р. Розена по курсам восточных языков для офицеров при Учебном отделении восточных языков, которые закончил в 1891 г. Начав свою военную карьеру капитаном русской армии в Закас-

¹ В начале XX в. параллельно с более распространенными еще терминами «бабизм» и «бабиды» по отношению к последователям Бахауллы стал эпизодически применяться и термин «бехайты» (вариант: «бе-хаиды»), а само учение иногда именовалось «бехаизм». К моменту большевистской революции эти обозначения практически вытеснили в данном значении более архаичные «бабиды» и «бабизм» (кроме как применительно к Бабу и бабидскому движению), просуществовав до конца 30-х годов, когда община прекратила свое существование в СССР. Правда, в исторической литературе по теме терминология «бехаизм» и «бехайты» встречалась и после этого времени. Возродилась община в 1990 г. как «община последователей веры бахаи». Сами приверженцы этой религии также в настоящее время именуются «бахай» (слово не склоняется и не изменяется по числам).

пийской области, в Ашхабаде, Туманский познакомился с местной общиной бахаи и учением этой религии, посвятив ей ряд ценных научных статей, включая публикацию оригинальных текстов. Одним из главных его достижений явился предпринятый им первый перевод на европейский (русский) язык основополагающей книги бахаи — *Китаб-и Акдас (Наисвятой книги)*. Вскоре после кончины основателя религии Туманский посвятил ему статью в газете «Кавказ» от 9 июля 1892 г., соответствующая страница которой хранится среди материалов Розена в СПб Филиале Архива РАН². Вот как начинается статья:

«На днях получено известие о кончине главы бабидов и их пророка Бэха-Уллы³, последовавшей в Акке (С. Жан д'Акр) в Сирии 16-го мая⁴ с.г. Это замечательная личность, которая сумела привлечь около миллиона последователей в разных частях Персии, придала бабизму тот миролюбивый характер, которым в настоящее время отличаются адепты этой религии. Из гордого перса-шиита, признающего дружбу только со своими единоверцами и полное отчуждение от иноверцев (теберра ве те-велла), учение это сделало человека смиренного, считающего всех людей братьями, бабида» (Ioannesyan, 2013, p. 26–27).

После такого вступления Туманский переходит к краткому изложению истории бабизма и религии бахаи. Говоря о высылке Бахауллы из Персии в Багдад в начале 1853 г., автор замечает:

«Удалившись из Персии, Бэха-Улла избрал себе местожительством Багдад. Прожив в полном уединении и отрешившись от всех дел около года в Багдаде, Бэха-Улла один без спутников отправился в горы турецкого Курдистана, изредка заезжая в Сулеймоне (sic!). Но по настоянию бабидов, которые после казни Баба 1848⁵ и разгромов в Хорасане, Мазандеране и Зенджане остались без руководителей, он опять вернулся в Багдад, пробыв два года в горах. Возвратившись в Багдад, он посвятил себя, по словам упомянутого историка Сейяха⁶... „делу воспитания, побуждению к улучшению нравов, к приобретению познаний, усвоению искусств всех стран, к хорошему обхождению со всеми народами мира и доброжелательству ко всем национальностям, к общительности, единению, повиновению, скромности, к воспитанию детей, к производству того, в чем нуждается человеческий род, и основанию истинного счастья людей“. Деятельность Бэха-Уллы здесь выразилась в неустанной переписке и рассылке увещаний и советов. К этому же периоду относится и появление его первой книги, еще не претендующей на божественное происхождение, а именно *Китабе Иган*» (Ibid., p. 27).

Касааясь обстоятельств провозглашения Бахауллой своей духовной миссии, Туманский пишет:

«К концу пребывания своего в Багдаде, т.е. перед тем, как его, по проискам персидского генерального консула Мирзы-Бузурк-Хана, вытребовали в Константинополь, Бэха-Улла объявил себя тем лицом, появление которого предсказывал Баб⁷, и которому Баб считал себя предтечей. Действительно Баб неоднократно в своих писаниях говорил, что после него явится „тот, на которого Бог укажет...“» (Ibid., p. 27–28).

² Ф. 777 (инвентарный номер 2), ед. хр. 460. Полный текст статьи и комментариев см. в книге: Ioannesyan, 2013, p. 26–28.

³ Т.е. Бахауллы. Здесь и далее мы будем приводить имена в той форме, как они выписаны в цитируемых источниках.

⁴ Это дата по старому стилю (юлианскому календарю).

⁵ Дата неверна. Казнь Баба состоялась 9 июля 1850 г.

⁶ Речь идет об изданной Э.Г. Брауном истории веры бахаи: «Повествовании странника» («Макала-йи шахс-и саййах»).

⁷ Баб (1819–1850) — основатель бабизма (см. выше).

Отметив большую информативность этой статьи Туманского для историков бабизма и религии бахаи, перейдем теперь к другому автору — Г.Д. Батюшкову, чья небольшая монография «Бабиды. Персидская секта» появилась всего несколькими годами позже, в 1897 г. Г.Д. Батюшков — дипломат и востоковед, был на дипломатической службе в Тегеране в 1893–1899 гг. Хранящиеся в СПб Филиале Архива РАН его письма к Розену наглядно свидетельствуют о его несомненном интересе к религии бахаи. Из этой же переписки явствует, что Батюшков спасал священные тексты бахаи, которым грозило уничтожение от рук фанатиков (Ioannesyan, 2013, p. 103).

Свою работу сам Батюшков определяет как «краткий очерк этого вероучения», т.е. бабизма, и оговаривает, с чем связан интерес к теме: «[Это] учение... привлекло массу последователей, так как проповедь о любви к ближнему, равенстве всех людей, порицание того презрения и отвращения к иноверцам, которое составляет отличительную черту ислама, запрещение всякого насилия — все это более соответствовало миролюбивым Персам, чем воинственное направление ислама» (там же). «...Муллы и сеиды, — продолжает автор, — убедили правителей страны, что преследованиями, гонениями и казнями можно остановить дальнейшее развитие новой религии и даже окончательно искоренить ее в Персии... но в результате — страдания и стойкость бабидов лишь вызвали симпатию народа: количество адептов новой веры все более и более увеличивалось, учение распространилось и вне пределов Персии — в Турции, Индии и Средней Азии» (там же). После такого вступления Батюшков совершает экскурс в историю изучения вопроса: «Многие ученые в Европе также заинтересовались вопросом о бабидах и посвятили ему более или менее обширные труды. Так писал о бабизме наш маститый академик Дорн, известный французский дипломат и путешественник граф Гобино, знаменитый ориенталист Казем-бек, барон Кремер и др. В настоящее время специально бабидами занимается английский ученый, лектор персидского языка в Кембриджском университете, Эдвард Броун... Известный русский ориенталист, академик и профессор барон В.Р. Розен представил ученому миру описание богатейшей коллекции бабидских рукописей, принадлежащих библиотеке института восточных языков министерства иностранных дел...» (Батюшков, 1897, с. 3, 4). Туманского автор характеризует как «одного из лучших знатоков бабизма», который, по данным Батюшкова, насчитывал «сотни тысяч последователей» (там же, с. 4, 5).

Переходя к главной теме своей публикации, автор делает экскурс в историю Персии со времени завоевания Ирана арабами и распространения в нем ислама, отмечает склонность персов к возникновению в их среде разных религиозных учений, особенно мистических, объясняя это отчасти тем, что «суровый монотеистический ислам совершенно не подходил к образу мыслей персов-зороастрийцев» (там же, с. 5). Кратко излагая историю шиизма, Батюшков переходит к шейхизму, подготовившему почву для появления бабизма, и к основателю шейхитской школы — Шайху Ахмаду Ахса'и. Со ссылкой на автора первого европейского исследования по собственно бабизму⁸ «Баб и бабиды», Казем-бека, Батюшков приводит биографические данные Сайида 'Али Мухаммада, принявшего титул «Баб» и положившего начало бабизму, отмечая особое внимание и почтение к нему преемника Шайха Ахмада Ахса'и — Сайида Казима Рашти. Эта часть исторического повествования, правда, грешит и определенными неточностями, отчасти восходящими к Казем-беку, например, в ней Баб причислен к «ученикам» Рашти и даже назван его «преемником» и главой шейхитов после его смерти, что не имеет под собой оснований. Несмотря на эти существ-

⁸ Мы вынуждены здесь делать такую оговорку «собственно бабизму», так как в рассматриваемый нами период термин «бабизм», как отмечалось, прилагался еще и к религии бахаи.

венные погрешности, общая атмосфера ожидания, прежде всего в шейхитской среде, пришествия «Скрытого имама» *Ка'има*, с которым фигурально отождествил себя Баб, и «шейхитский фактор» в подготовке почвы для возникновения бабизма как религиозного феномена раскрыты Батюшковым верно. Так, он приводит ответ Рашти на вопрос его учеников о его преемнике: «Он среди вас, вы сами найдете его» (там же, с. 8). Следует, правда, для исторической достоверности уточнить, что термин, используемый в этом диалоге, был не «преемник», а «Возлюбленный», даже если отдельные ученики Рашти и понимали под ним не *Ка'има*, а преемника главы шейхитской общины. Говоря о Сайиде 'Али Мухаммаде (Бабе), Батюшков справедливо отмечает: «На него намекал Хаджи-Сеид-Казем⁹, предсказывая о близком появлении Каима, т.е. невидимо находящегося на земле имама...» (там же, с. 9). «Однако, — продолжает Батюшков, — он не сразу признал себя пророком, и только 5-го джемадиульула 1260 г. (12-го мая¹⁰ 1844 г.)... перед отъездом в Мекку... объявил, что он дверь (по-арабски „баб“) для постижения Единого Бога» (там же). Особое недовольство, отмечает Батюшков, вызвало изданное Бабом распоряжение о «пресечении предписаний», по которому многие запреты ислама отменялись (там же, с. 11–12).

Немалое место в книге отведено известной героической личности в истории бабизма и его горячей проповеднице Тахире (известной также как «Куррат ал-'айн» — «зеница ока, улада очей»). Автор отмечает: «Она всецело прониклась верою в основы учения Баба, с жаром проповедовала их на улице и своим образованием, в персидском смысле, знакомством с литературой, своим красноречием и красотой привлекла к новой вере целые толпы шиитов» (там же, с. 12). Вот как характеризует автор само учение Баба: «В своей проповеди любви к ближнему Баб доходил до такой нетерпимости к насилию, что признавал необходимым в будущей стране бабизма уничтожить все созданное при посредстве принуждения» (там же, с. 12).

Батюшков разъясняет символику бабидских текстов, останавливаясь на числе 19, играющем в бабизме особую роль. Все эти вопросы для полного уяснения потребовали бы целые исследования, поэтому, не задерживаясь здесь на них, возвратимся к изложению истории, разные эпизоды которой последовательно описывает Батюшков. «Шиитское духовенство... конечно, протестовало против нового пророчества», — пишет автор (там же, с. 15), что привело к гонениям на Баба и его сторонников и стало причиной его заточения и в итоге казни в Тавризе в 1850 г.

Батюшков останавливается на героической обороне бабидами крепости Шайх-Табарси, которую они, находясь в осаде, долго удерживали от многократно превосходящих их шахских войск, и на эпизоде с казнью Баба. Последней предшествовало разыгранное отречение от своего учителя секретаря Баба, находившегося вместе с ним в заключении: «...сам Баб приказал своему секретарю притвориться отказавшимся от своих убеждений, для того, чтобы иметь возможность доставить в надежные руки черновики писем и книги, которые хранились у него как доверенного лица Баба. Отчасти подтверждает эту версию то обстоятельство, что Ага-Сеид-Хусейн¹¹ через два года во время гонения на бабидов... был казнен вместе с другими бабидами» (там же, с. 19). Автор описывает и зафиксированный во многих документах эпизод, связанный с исчезновением Баба во время казни: «Около помещения тюрьмы в Тавризе, где находился в заключении последнее время Баб, поставили столб, к которому привязали обоих приговоренных к казни¹², и расставили войска в три ряда. Ка-

⁹ Т.е. Сайид Казим Рашти.

¹⁰ По григорианскому календарю — 23 мая.

¹¹ Имя секретаря.

¹² Баб шел на казнь вместе со своим преданным учеником.

ждый дал по залпу, и когда дым рассеялся, то увидели, что веревки узников перерезаны пулями, сами же они невредимы, Мохаммед-Али сидит, а Баб стоит у своего секретаря¹³. Это так подействовало на окружающих, что солдаты отказались повторить опыт, и пришлось вызвать часть от другого полка» (там же).

После рассмотрения бабизма Батюшков переходит к религии бахаи. Мы не будем здесь приводить описание сопряженных с ней событий в его книге, поскольку, во-первых, религии бахаи отведено в ней значительно меньше места, чем собственно бабизму, что, очевидно, связано с меньшим знакомством автора с этой темой, а во-вторых, мы подробнее остановимся на этих событиях при рассмотрении книги другого автора, ограничившись здесь лишь несколькими цитатами из очерка Батюшкова: «Мы уже говорили, что Баб в книгах своих и поучениях неоднократно утверждал, что он сообщает далеко не последнее или окончательное откровение Божие, что, напротив, должны быть новые откровения, новые пророки, которые разъяснят людям многое, чего он, Баб, не в состоянии раскрыть» (там же, с. 20). Автор отмечает, что Баб не указывал точного времени появления следующего пророка, но заповедал общине не противостоять такому, если он появится: «Во всяком случае, отнюдь не следует противиться тому, кто будет выдавать себя за пророка, так как, если то, что он говорит, ложь, дело его погибнет само собой; зато какой грех оказать сопротивление лицу, на самом деле посланному Богом!» (там же, с. 21).

Отметим, что изложение самого учения бахаи Батюшковым, несмотря на определенные допущенные им существенные искажения исторических фактов, в чем, скорее всего, виноват не сам автор, а использованные им не вполне достоверные источники, отличается точностью. Отношение же Батюшкова к бабизму (и религии бахаи?) наглядно суммируется в следующем пассаже в конце его книги: «Что касается будущности бабизма, то предсказывать ее, очевидно, весьма трудно; во всяком случае несомненно, что распространение его принесло бы громадную пользу Персии... А может быть в недалеком будущем какой-либо из шахов убедится в достоинствах этого учения, объявит его господствующим, и способнейший персидский народ с обновленным духом и обновленными силами воскресит славное прошлое своей поэзии и литературы, которое почему-то принято считать невозвратимым» (там же, с. 28).

В заключение отметим, что мы не можем согласиться с Б. Морозовым (B. Morozov) в его общей оценке этой книги, которую он называет «статьей» (an article): «К сожалению, она не содержала ничего нового. Так, статья только суммировала хорошо известные факты, связанные с историей Баба, его учением и последователями»¹⁴. Возникает вопрос: что значит «хорошо известные факты»? Публикация, рассчитанная на массовую аудиторию и представляющая обзор истории какого-то феномена, не может не содержать «известные» факты, которые среднестатистическому читателю едва ли были столь «известны».

Несомненный интерес представляет книга М. Булановского «Бэгаиты», вышедшая в 1913 г. Однозначно определить, кто скрывался под фамилией «Булановский», нам не удалось. Однако с высокой долей вероятности можно предположить, что автором этой книги явился И.Ф. Наживин, толстовец, известный под псевдонимом «Булановский» и ставший впоследствии крупным писателем и публицистом в русской эмиграции, состоявший в переписке с И. Буниным. В пользу такого допущения выступает не только псевдоним, но и тот факт, что автор книги был толстовцем, что явствует

¹³ Баба застали в камере, откуда до этого выводили на казнь, заканчивающим диктовать завещание своему секретарю.

¹⁴ “Unfortunately there was nothing new in it: the article only summarized already-known facts regarding history of the Bab, his teachings and his followers” (Shahvar, Morozov, Gilbar, 2011, p. 63).

уже из вступительных слов к публикации. Правда, у Наживина были другие инициалы, но можно допустить, что «М.» в данном случае не инициал имени, а сокращенное обозначение слова «месье» (такой прием нам встречался при ссылках на некоторые имена в дореволюционной литературе и переписке).

Автор проявил недюжинную осведомленность в вопросах, связанных с религией бахаи, особенно в том, что касается ее истории. Книга изобилует многочисленными фактами и деталями эпизодов, которые нам не встречались в другой литературе по теме. Булановский не раскрывает своих источников, но не исключено, что в качестве таковых могли выступать рассказы очевидцев описываемых событий, которые на момент выхода книги были живы и с которыми автор мог вступать в личный контакт, либо рассказы эти дошли до него в передаче других лиц. Во всех случаях история веры бахаи описана в книге достоверно. В ней также приведены в переводе тексты и отрывки из писаний бахаи.

Начав исторический раздел с краткого очерка бабизма, Булановский так определяет ту миссию, которую ставил перед собой Баб: «Задача, которую принял на себя Али-Могаммед, состояла в объявлении новых божественных законов, в которых будет открыта людям воля Бога и которые должны изменить и верования, и всю жизнь рода человеческого. Но, по его словам, он был только предтечей, приготовляющим пути для посланника...» (Булановский, 1913, с. 15). Говоря о разгроме бабидского движения властями, автор замечает: «Духовенство, боясь утратить свое влияние на народ, объединилось, чтобы силой задавить новую веру... Сердце трепещет от волнения, крепнет вера в человека, когда читаешь о необыкновенном, непоколебимом мужестве бабидов, страдавших за веру» (там же, с. 15). В книге приводятся примеры героизма и мученичества бабидов, шедших на смерть за свои убеждения.

Завершив краткий раздел о бабизме, Булановский переходит к собственно религии бахаи, которой и посвящена основная часть книги. Вот какую характеристику дает автор основателю религии — Бахаулле: «...Мирза Хусейн-Али, происходивший из знатной и богатой семьи. Ему в это время было с небольшим 30 лет, но и тогда его уже все уважали за чистую, добрую жизнь и за глубокую мудрость. Сам Али-Могаммед [Баб] дал ему прозвище Бега-Улла, что значит „Слава Божия“» (там же, с. 17). Автор сообщает интересные подробности ареста Бахаиллы после начала нового витка гонений на бабидов, связанного с покушением на шаха Насир ад-Дина, которое тот благополучно пережил. Но, как и в других случаях, он не раскрывает своих источников. В части же тюремного заключения и доказательства непричастности Бахаиллы к заговору приводимые им сведения верны в принципе, но грешат незначительными неточностями: «Четыре месяца прошло в этих душевных муках, пока губернатор(?) не убедился, что Бега-Улла к покушению не причастен» (там же, с. 17–18).

Точно и обстоятельно описана Булановским ситуация с высылкой Бахаиллы в Ирак сразу же по освобождении из тюрьмы в начале 1853 г.: «Как только Бега-Улла — последователи звали его всегда „Благословенное Совершенство“ — немного поправился, он снова начал учить. Он всей силой восстал против воинственного духа, охватившего было многих бабидов, решивших с оружием в руках защищать свою жизнь и веру. Он учил и требовал, чтобы все бабиды были воодушевлены Божественным духом, были смиренными, рассудительными, деликатными и всепрощающими. Под влиянием его наставлений в сердца его последователей снова спустились мир и радость, но это продолжалось недолго, только до прибытия Субх-и-Езеля, брата Бега-Уллы. Во время беспорядков в Тегеране он долго скрывался, а потом в костюме дервиша бежал за другими в Багдад. С его прибытием начались среди последо-

вателей Бега-Уллы несогласия и раздоры. Бега-Улла, человек очень мирного характера, не мог выносить этого долго и около года спустя по прибытии в Багдад он объявил, что хочет удалиться. Несмотря на увещание семьи, взяв лишь запасную перемену одежды и совсем не взяв денег, он покинул свой дом. Его уговорили взять с собой слугу, но на другой день он отослал слугу обратно» (там же, с. 19–20).

О периоде уединения Бахауллы в горах Курдистана автор говорит: «Прошло несколько месяцев. Семья не имела о Бега-Улле никаких известий и была в большом горе. Жена расспрашивала о нем всюду, где только могла, но никто ничего о нем не знал. Наконец одному из друзей семьи, старому багдадскому врачу, удалось узнать, что в глухой и очень удаленной от Багдада местности, в горах, в пещере живет отшельник, очень похожий по описанию на Бега-Уллу. Он был так мудр и так хорошо говорил о религиозных предметах, что стоило услышать его раз, чтобы стать его последователем. Народ шел к нему со всех сторон, но он, ища уединения, уходил тогда в какую-нибудь другую пещеру. Одевался отшельник дервишем, но по всему было видно, что он некогда занимал высокое положение... Отсутствие Бега-Уллы продолжалось более двух лет» (там же, с. 20). Автор сообщает интересные подробности пребывания Бахауллы в районе Сулеймании и о том, как основателю новой религии не удалось долго оставаться на положении инкогнито, так как молва о нем постепенно достигла Багдада. Рассказы эти, за неимением возможности, мы не будем здесь воспроизводить. В книге отмечается быстрый рост числа приверженцев нового учения: «Число последователей Бега-Уллы возрастало с каждым днем; между ними было много горячих, полудиких иракских арабов. Все относились к нему с глубоким уважением. Приходило также много бабидов и из Персии» (там же, с. 23).

Интересные детали приводит автор об обстоятельствах объявления Бахауллой своей пророческой миссии в апреле-мае 1863 г.: «...по просьбе шаха турецкий султан приказал перевести бабидов в Константинополь. Известие об этом как громом поразило всех последователей Бега-Уллы; перед домом его собралась огромная толпа, среди которых было немало арабов, горячо выражавших свое негодование и умолявших Бега-Уллу не оставлять их: ты наш пастырь, — кричали они... За четыре дня до отъезда Бега-Улла открыл Аббасу-Эффенди¹⁵, что он и есть тот избранник Божий, появление которого предсказал Али-Могаммед, а перед самым отъездом он открыл это еще четверем из своих наиболее близких последователей» (там же, с. 23–24). Не менее точно и достоверно освещаются в книге события, связанные с прибытием Бахауллы в Константинополь после высылки из Багдада, а затем — в Адрианополь: «Некоторые из видных посетителей советовали Бега-Улле обратиться к султану с просьбой рассмотреть его дело и рассудить, согласно с турецкими обычаями, но Бега-Улла отвечал, что его дело — лишь духовное благо людей, что в мирские дела он никогда не мешался и не будет мешаться, даже если бы дело касалось его самого, что если нужно турецкому правительству расследовать все, оно само сделает это. Все это было передано султану и не понравилось ему» (там же, с. 25). О посланиях, отправленных Бахауллой монархам и правителям мира из Адрианополя, Булановский повествует следующее: «Из Адрианополя Бега-Улла писал горячие письма папе римскому и лицам, стоящим во главе европейских правительств, призывая их всех покончить навсегда с войнами и установить на земле всеобщее единение. Между прочим он написал длинное письмо и персидскому шаху, в котором изложил сущность своего учения и объяснил, что представляют собой столь гонимые последователи его. В конце письма он обращался с мольбой к Богу о том, чтобы султан перестал притеснять и

¹⁵ Аббас-Эффенди, больше известный как Абдул-Баха, — старший сын Бахауллы, ставший духовным главой общины после смерти отца.

мучить свой народ, чтобы Бог сделал его мудрым и справедливым правителем, защитником истинного Божественного учения» (там же, с. 26). Автор воспроизводит слова, сказанные персидскому шаху молодым человеком по имени Бади, вызвавшимся отнести ему послание Бахауллы и обречь тем самым себя на заведомую смерть:¹⁶ «Вот послание для вас от главного посланника Бога» (там же, с. 27).

Булановский подробно останавливается на противостоянии и интригах Мирзы Йахьи (Субх-и Азаля, в транскрипции автора: Суб-и-Езея) против Бахауллы, включая эпизод с отравлением Бахауллы, приведших в результате к высылке последнего со своими последователями в Акку, об обстоятельствах которой автор сообщает следующее: «Жизнь ссыльных в Адрианополе сильно омрачалась завистью и происками Суб-и-Езея, который считал себя преемником Али-Могаммеда [Баба,] никак не мог примириться с тем, что место это, по безмолвному согласию бабидов, занял Бега-Улла» (там же, с. 27–29). Булановский описывает и попытку заступничества за Бахауллу иностранных дипломатов: «Германский, русский и английский консулы предложили Бега-Улле ходатайствовать за него пред турецким правительством, чтобы ему с семьей разрешили выехать в одну из стран Западной Европы, где его никто беспокоить не будет, но Бега-Улла отвечал, что он не оставит своих единоверцев, что он хочет проповедовать лишь веру в Бога, ищет лишь духовного блага и, поэтому, ничего не боится» (там же, с. 29).

В книге дано подробное описание заточения Бахауллы в Акке: «После нескольких дней плавания бабидов привезли в г. Хайфу, в Сирии, откуда на другой день их отправили на лодках в Акку, находящуюся верстах в 20 от Хайфы. Сюда ссылают наиболее тяжких преступников со всех концов Турции. Место это обладает таким дурным климатом, что существует поверье, что всякая птица, пролетевшая над городом, падает и умирает. Его называют „Очагом чумы“. Тотчас по прибытии бабиды-мужчины в цепях были отведены в тюрьму. На улицах стояла толпа, темная и несчастная в своей темноте, как и всякая толпа, и провожала бабидов смехом и ругательствами. Тюрьма Акки представляет из себя нечто ужасное. На полу жидкая грязь, доходящая до щиколотки; воздух, зараженный близостью отхожего места для солдат, был таков, что многие бабидки... падали в обморок» (там же, с. 30). Натуралистично описаны все ужасы тюремного заточения. Узникам объявили, что они «нигилисты, убийцы, воры... что они сговорились разрушить турецкую империю» (там же, с. 31), «все это было внушено кем-то местному начальству и тюремщикам, которые, когда впоследствии узнали этих кротких, хороших людей ближе, совсем изменили с ними обращение, подружались и полюбили их» (там же).

Автор приводит послание Бахауллы, которое он адресовал народам из места своего заточения. Оно содержало призывы отказаться от религиозных и межгосударственных распрей и жить в согласии (там же, с. 33–37). Нравственный облик последователей Бахауллы Булановский характеризует следующим образом: «В Акке бабидов было в то время всего около 90 человек, все они персы и в ссылку пошли добровольно, только чтобы быть вместе с учителем; отсутствие среди них других национальностей здесь объясняется тем, что ради сохранения мира Аббас-Эффенди запретил им здесь всякую пропаганду своей веры... Трудно себе представить общество людей, где всякие положительные качества характера, всякие добродетели были бы так распространены среди всех членов его, как это наблюдается у бабидов. Все они очень трудолюбивы, хорошо владеют собой; одеты все чисто и имеют вид зажиточный. Лица их носят выражение чистосердечия, честности, доброты, ума, внутренней силы. В их сношениях друг с другом и с другими людьми отличительной чертой их является

¹⁶ См. подробнее об этом эпизоде нашу статью: Иоаннесян, 2007, с. 5–14.

ся доброта, благоволение. Они кажутся членами одной большой семьи, связанными между собой самой сердечной любовью. Можно легко поверить рассказам, что во время жестоких преследований и казней в Персии не раз случалось, что бабид, арестованный по ошибке вместо другого, шел на казнь без всякого протеста, предпочитая умереть, чем подвергнуться опасности собрата. И эта их жизнь послужила к тому, что принадлежность к бабидам стала лучшей рекомендацией человеку даже среди иноверцев. И мусульмане, и христиане часто назначают их опекунами и вообще поручают им свои дела, требующие от исполнителя особой честности... Если вникнуть в самую сущность их жизни, чтобы найти, что их отличает от других людей, то эту сущность их жизни лучше всего выразить словом *любовь*» (там же, с. 41–42).

После весьма достоверно изложенной исторической части Булановский переходит к теологии — учению бахаи о Боге, духе и материи. Отметим, что описание этих вопросов в книге столь же поэтично, сколь неточно, а порой и даже ошибочно. Намного точнее освещаются нравственно-этические нормы и вопросы, связанные с обществом. Мы бегло коснемся здесь лишь того из описанного, что не содержит заметных погрешностей. Говоря о нравственно-этических нормах, автор выделяет прежде всего принцип мира и миротворчества во взаимоотношениях между людьми, религиями и народами, приводя примеры из жизни Абдул-Баха (Аббаса-Эффенди), а также скромность и постоянную помощь ближним. Приведем здесь несколько цитат из книги, характеризующих учение бахаи и не требующих комментариев:

«Рай и ад, по учению бабидов, это лишь известные состояния ума и сердца человека. Добрые мысли, и добрые дела ведут к Богу, и это и есть рай. Ад — это то душевное состояние человека, когда его терзают злые мысли, злые намерения, злые желания; тогда человек отделяется от Бога и страдает. Спасение его — в сознательном осуществлении Бога в своей жизни, что достигается любовью, милосердием, добрыми делами» (там же, с. 58);

«Пока наука, культура и мудрость человеческие, — говорит Аббас-Эффенди, — не сольются с духовной доблестью, светлыми качествами и милосердными нравами, все труды пропадут даром, и блаженство человеческое, служащее конечной целью нашей жизни, достигнуто не будет, потому что, хотя, с одной стороны, от культуры, прогресса и украшения земного шара достигается наружное блаженство и удовлетворяется внутреннее эгоистическое стремление души, но, с другой стороны, ими же создаются великие ужасы, страшные бедствия и опустошительные недуги» (там же);

«Для истинного блаженства людей необходимо, чтобы культура и наука были поддерживаемы, шли бы рука об руку с духовными науками, достойными Бога, ниспосланными щедрым небом» (там же, с. 59);

«У бабидов есть свои общественные законы... В противоположность другим персам, у которых существует многоженство, бабидам рекомендуется жить только с одной женой. Развод допускается лишь в крайнем случае и по истечении года со времени возникновения несогласия между супругами, если о нем попросит одна из сторон... Обучение детей обязательно. Если отец не позаботится об этом, община должна взять это дело на себя... Всякий здравый человек обязан трудиться... Игра в карты, азартные игры, употребление опиума, вина и других одурманивающих человека средств запрещаются. Запрещается всякое убийство, ношение оружия без крайней надобности, воровство, злословие, клевета... Для бабидов обязательно любовное отношение не только ко всем без исключения людям, но и к животным» (там же, с. 59–61);

«Заботы о всеобщем мире являются столь же важной обязанностью для каждого, как и любовь и согласие вообще в отношениях к окружающему и ближним. „Благо

тем, кто держится непрестанно милосердия и доброты и освобождается от гнева и злобы; этот угнетенный (Бега-Улла) завещает миру терпение и добродетель: это два светильника мира и два наставника для познания народам, — благо тому, кто постиг, и горе пренебрегающим!» (там же, с. 61);

«Лучи великого учения о всеобщем разоружении, — говорит Аббас-Эффенди [Абдул-Баха], — о единстве и нераздельности народов мира ниспадают и освещают землю, и мы надеемся, что эти лучи с каждым днем все будут усиливаться и это необходимое сближение между людьми будет все ближе к осуществлению, и тогда конечная цель будет достигнута и любовь к Богу во всей своей красоте восстанет перед народами» (там же, с. 62).

«Вскоре после своего освобождения, — отмечает Булановский, описывая духовную миссию Абдул-Баха, — Аббас-Эффенди в сопровождении нескольких из своих последователей отправился в долгое путешествие на Запад, чтобы проповедовать всюду свое учение о единстве всех религий, о братстве людей, о необходимости мира и любви между людьми, несмотря на все их различия, национальные, классовые, вероисповедные... Он проповедовал в Марселе, Париже, потом посетил Лондон и другие английские города, потом объехал всю Сев[ерную] Америку. Он говорил в университетах и синагогах, в унитарной часовне, в великосветских салонах и в бедной деревушке, в лондонских храмах... говорил о любви к Богу, об исполнении Его законов, о единении людей» (там же, с. 67). В книге приводится одна из речей Абдул-Баха в Лондоне, в которой он суммировал и изъяснял учение Бахауллы, выделив в нем девять принципов — необходимость самостоятельного поиска истины, единство человечества, религия как главная основа любви и единения, гармония науки и религии, сущностное единство религий, установление равенства и братства среди людей, искоренение крайних бедности и богатства, установление величайшего мира на земле, утверждение духовных основ человеческой цивилизации, останавливаясь на каждом из них. Булановский отмечает позитивные и восторженные отклики в западных газетах на речи и проповеди Абдул-Баха и говорит следующее: «Уже один факт, что такие строки могли появиться в этой огромной влиятельной газете, имеет глубокое внутреннее значение. Всюду, где он ни появлялся, его осаждала толпа. Журналисты, женщины, профессора, члены парламента, рабочие, аристократы, дети — все стремились, чтобы взглянуть на этого удивительного человека, чтобы получить от него ответ на какой-нибудь тревожащий их вопрос» (там же, с. 74). О самом Абдул-Баха автор говорит следующее: «Все, кто подходил к нему, испытывал чувство восхищения, обаяния, уходил точно очарованный. И это прекрасно...» (там же, с. 76).

Книга заканчивается отрывками из *скрижалей* Бахауллы, например, о любви и братстве, привязанности к земному, смысле страдания и др.

Выше цитировались слова, которыми Булановский описывал духовного главу международной общины бахаи в 1892–1921 гг. Абдул-Баха (Аббаса-Эффенди). Известный русский и советский арабист акад. И.Ю. Крачковский был лично знаком с ним и откликнулся на его кончину некрологом, вышедшим в журнале «Восток» в 1923 г. Некролог этот интересен, помимо прочего, словесным портретом сына Бахауллы, оставленным потомкам видным востоковедом. Вот как описывается в нем историческая связь религии бахаи с Россией: «Бехайдов (sic!), как и бабидов, связывают с Россией тесные духовные узы. Изгнанные из Персии, бабиды нашли убежище на Кавказе и в Средней Азии...» (Крачковский, с. 209), «русские востоковеды первыми обратили внимание на их (бахаи. — Ю.И.) учение и посвятили исследованию и истории его ряд капитальных работ. В русской изящной литературе оно нашло себе отклик в

двух драматических произведениях И. Гриневской¹⁷ („Баб“ и „Бехаулла“)» (там же, с. 209). «Бехаиды, — отмечает Крачковский, — любили Россию, и автор этих строк живо вспоминает тот интерес, с которым расспрашивал его в 1910 году Аббас-Эфенди при первом знакомстве в Хайфе. Разговор шел на арабском языке, которым покойный владел так же свободно, как и родным персидским, но говорил с некоторым акцентом, смягчая на персидский лад гортанные арабские звуки. На первом плане стоял Толстой, но Аббас Эфенди (sic!) хорошо знал и труды русских ученых, писавших о бабидах и бехаидах, произнося с особым чувством, как родные, имена академиком В. Розена и А. Туманского, покинувших этот мир раньше его» (там же, с. 209–210). Крачковский описывает деятельность Абдул-Баха следующим образом: «...По смерти своего отца Абд-аль-Беха (sic!) стал во главе движения. Турецкая революция 1909 года освободила его от необходимости жить без права выезда в Акке; после этого он предпринимал большие путешествия по Европе и северной Америке, произнося речи в различных протестантских церквах и публичных собраниях Парижа, Лондона, Эдинбурга, Соединенных Штатов. По возвращении в Палестину он поселился в Хайфе, у подножия горы Кармель, и пользовался большим влиянием среди представителей всех наций и религий, равно как всех классов населения, благодаря обаянию своей выдающейся личности. Внешним образом это проявилось на его похоронах 29 ноября, в которых приняли участие все жители Хайфы и ближайших местностей... Во всей его фигуре и обращении чувствовалось внутреннее величие и великая духовная сила, которая обаятельно действовала на всех, даже случайно с ним встречавшихся» (там же, с. 210).

В качестве итога этого обзора неакадемических публикаций, посвященных религии бахаи и бабизму, вышедших на стыке XIX–XX вв., отметим, что мы не включили в наш очерк все известные нам работы по теме. Так, мы не рассматривали художественную литературу и драматургию, в которых данная тематика получила отражение. Намеренно ограничив статью четырьмя публикациями, мы попытались выстроить их в хронологической последовательности и так, чтобы подаваемые сведения каким-то образом и перекликались между собой, и дополняли друг друга. Читатель не может не обратить внимание на то обстоятельство, что российские авторы рассматриваемого периода, писавшие на эту тему, не были тенденциозны или предвзяты. Они могли заблуждаться относительно отдельных фактов, что объясняется недостатком информации, но они были движимы желанием максимально объективно осмыслить и предоставить читателю сведения по предмету. Такой же подход характерен и для литературы, не включенной в эту статью.

Список литературы

- Батюшков Г.[Д.]* Бабида. Персидская секта. СПб., 1897.
Булановский М. Бэгаиты. Изд. 2-е. М.: Кушнерев и К^о, 1913.
Гриневская И. Баб. Драматическая поэма из истории Персии. В 5 действиях и 6-ти картинах. Изд. 2. Пг., 1916.
Иоаннесян Ю.А. Послания монархам и правителям и некоторые другие послания Бахауллы // ППВ. М., 2007. № 1(6). С. 5–14.
Крачковский И.Ю. Некролог по случаю кончины Аббас-Эфенди Абд-аль-Беха (sic) // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга третья. М.–СПб., 1923. С. 209–210.

¹⁷ Член Философского, Восточного и Библиейского обществ, поэтесса И.А. Гриневская, познакомившись с учением бахаи, глубоко им прониклась и создала пьесы в стихах, посвященные провозвестнику новой веры — Бабу, а позже Бахаулле. Первая с успехом шла на петербургской сцене, вторая, по нашим данным, так и не была поставлена.

Ioannesyan Y. The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives. L.–N. Y.: Routledge, 2013 (Iranian Studies Series).

Shahvar S., Morozov B., Gilbar G. (eds). The Baha'is of Iran, Transcaspia and the Caucasus. N. Y.: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2011.

Summary

Yu.A. Ioannesyan

The Treatment of the Baha'i Religion and the Babi Faith in Russian Popular Literature and Media around the Turn of the 20th Century

The history of the Baha'i and Babi faiths was closely related to Russia since their inception in Iran in the 19th century. This is also attested by the attention these phenomena received from Russian scholars and diplomats as well as from the general public. While the interpretation of the subject in academic literature in Russia and the USSR has previously been discussed in some scholarly works, the present article focuses on the way in which the Baha'i and Babi faiths were treated in publications intended for a broad audience.